Глава 79.

Закрыв глаза, я стискиваю зубы, молча страдая, затаив дыхание и молясь, чтобы меня не заметили. Пот стекает по моему лицу, мои мышцы напрягаются, напряжение делает меня легкомысленным, более сильным, чем почти все, что я когда-либо делал раньше. Никогда больше я не позволю этому случиться, клянусь всем своим существом. Панический смех вырывается из меня, и мои икры начинают дрожать, когда я удваиваю свои усилия, я начинаю тихо стонать. Возможно, я привлек к себе внимание, но у меня нет времени сосредотачиваться на других вещах, каждая унция моей концентрации связана с трудной задачей.

Не в силах больше этого выносить, я делаю вдох через рот, но зловоние все еще достигает моего носа, и я продолжаю терпеть, тяжелое чувство в моем кишечнике еще не исчезло, мой грохочущий живот предупреждает меня, что худшее еще впереди. Мое вздутие живота одновременно и облегчает, и ужасает, давление в моем животе уменьшилось, но мое беспокойство о том, что я могу быть найденным значительно усилилось, когда я присел на корточки над импровизированной ямой, которую я быстро выскоблил, всего в нескольких минутах от лагеря.

Через несколько изнурительных минут, наконец-то, я почувствовал сладкое облегчение, мой кишечник опорожняется впервые за пять дней, удерживаемый силой воли и диетой, состоящей только из бульона и мяса. Теперь, когда моя рука больше не сломана, а зубы почти полностью отросли, сладкий, хрустящий звук овощей - это то, от чего я больше никогда не откажусь, этой боли и страданий больше не будет. Клетчатка - это любовь, клетчатка - это жизнь.

Подтянув штаны, я потягиваюсь, прежде чем взглянуть на зверя, которого я выпустил. Не так впечатляет, как кажется, что наполняет меня разочарованием. Даже если я никогда никому не покажу, иногда хочется просто гордиться хорошей какашкой. Забрасывая грязь на плоды своего труда, я быстро бегу обратно в лагерь, чтобы вымыть руки с мылом. Содрогаясь от воспоминаний о том, что я только что пережил, я передумал и направилсяь к реке, чтобы принять ванну. Я хочу снова почувствовать себя чистым.

Есть некоторые вещи, к которым я никогда не привыкну, и дерьмо на виду у всех вокруг меня - одна из них. В деревне есть настоящие флигели, и в городах даже есть канализация, но здесь все просто приседают над траншеей, которую мы используем как уборную, без всякой заботы.

Какать - это одна из тех вещей, которые лучше всего делать в одиночку.

Быстрая ванна в холодной реке заставляет мое тело дрожать, но вид русеквинов, плавающих вокруг, вызывает улыбку на моих синих губах, их гладкие, покрытые мехом фигуры, разрезающие воду, легко преследуют рыбу и водных хищников. Так много квинов работают вместе, и они становятся королями реки, непревзойденными и бесстрашными, несмотря на множество опасных плотоядных, скрывающихся под поверхностью. Меня предупреждали не мыться без них, иначе я могу потерять ногу или еще хуже.

Забу проникает в реку и вылезает из нее, его темно-коричневый мех блестит в лучах утреннего солнца, он приносит Шане подарки в виде еды и блестящих камней. Шана лежит, прижавшись к Адуджан, которая сидит в тихой медитации. В последнее время она часто так делает, вплоть до пренебрежения своими формами, что-то я чувствую здесь неправильно. Я имею в виду, что хорошо иметь в своем распоряжении Ци, но мы так далеки от того, чтобы научиться его по-настоящему использовать, я чувствую, что физическое мастерство гораздо важнее в этот момент нашей жизни. Однако она упряма, все еще культивируя в каждый свободный момент. Я должен попросить кого-нибудь помочь ей, быть ее наставником, но я не знаю никого, кроме

Аканай, и это было бы жестоко.

Сумев воспользоваться этим фактом, я ускользнул от ее постоянного надзора, чтобы заняться своими делами. Они все следили за мной, как ястребы, в течение последних пяти дней, Адуджан, Мила, Альсансет и Аканай, и всегда замолкали, когда я подходил. От этого мне было неудобно, но это очень мотивировало, чтобы исцелить себя, их пронзительные взгляды, были полны беспокойства, волнения и ожиданий. Каждый из них подходил ко мне с теплотой в глазах, задавая вопросы о моем здоровье, желая поговорить о бессмысленных вещах, таких как моя любимая еда, или цвета, или о моих планах на будущее. Это утомляло.

Я знаю, что они действительно просто заботятся обо мне, беспокоятся о моем душевном состоянии, но я в порядке, я могу продолжать быть Стражем. В моей голове нет голосов, нет вспышек гнева или депрессии, нет больше ни одного промаха в разговоре, я просто медитировал и исцелял свою левую руку, не счастливый и веселый, но и не подавленный. Моя правая рука все еще обрублена и отсутствует, но она чувствует себя целой, с периодическими болями. Я понятия не имею, как его восстановить, не так просто, как направить Ци в культю, пока не отрастет рука, но у меня назначена встреча позже вечером с Токтой, он обещал помочь мне пройти через этот процесс. Я ожидаю быть очень занятым в ближайшие недели, и, вероятно, будет много боли, отрастание нервов очень неприятно, если судить по прошлому опыту.

Мне все еще нужна помощь с некоторыми вещами, такими как еда и одевание, но я снова на пути к самостоятельности. Это утомительно всегда быть рядом с кем-то. Иногда мне просто хочется побыть одному, перезарядиться, дать своему разуму отдохнуть и восстановиться, но в последнее время это было невозможно. Потребовалось реальное планирование и обман, чтобы я мог посрать, что смешно. Хуже того, Адуджан делит со мной палатку, я не могу ... расслабиться, и это заставляет меня лезть на стены, лежа так близко к ней каждую ночь. Когда я наконец починил сломанную руку, я подумал, что она вернется к Сумиле и Сонг, но она просто осталась в моей палатке, как будто ничего не изменилось.

Вытряхивая себя насухо, я быстро одеваюсь, в простую хлопковую рубашку и брюки, коричневые и скучные, с кожаным поясом и кожаным жилетом на шерстяной подкладке, чтобы было тепло. Несмотря на то, что был разгар лета, оно все еще было довольно холодным, когда дул ветер, ия легко мог сбросить жилет, если мне становилось слишком жарко. Природа и обучение побеждают в войне за уничтожение моей одежды, это мой последний неповрежденный наряд, и хуже всего то, что на самом деле нет никого, у кого я могу одолжить одежду, кроме женщин. Все мужчины слишком высокие или слишком широкие, мое тело выглядит крошечным и тощим рядом с любым из Стражей, в среднем около 200 см в высоту, некоторые достигают почти 250 см. Это несправедливо. Это как нормальный парень в мире Великанов, как я могу с ними сравниваться? По крайней мере, женщины были разного роста. Аканай возвышается надо мной почти на 30 см, но до сих пор остается в тени многих мужчин. Сумила примерно с меня ростом, Адуджан и Ли Сон примерно на 8-10 см выше, а Мэй Лин крошечная и очаровательная, ее лоб едва достигает моего подбородка.

Солнце согревает мою кожу и сушит волосы, я тихо опускаюсь рядом с Адуджан, удовлетворенный моим успешным обманом. “Как твое дерьмо? Бьюсь об заклад, это было трудно, ты не ходил несколько дней.” Не так уж и успешно, в конце концов. Я не могу поверить, что она отслеживала мои испражнения, кто такое делает?

Шана поднимает голову на звук, ее милый нос дергается, когда она обнюхивает меня, надеясь на угощение. Она самая милая квин, которую я знаю, всегда обнимается с Адуджан. Хотелось бы, чтобы Забу был таким милым, но он едва терпит, когда я ласкаю его. Мне просто нужно

завести собаку. “Помнишь змею, из которой мы сделали твой щит? Оно выглядело вот также, коричневое и идеально свернутое. Хотя змея была немного меньше.”

Ее лицо морщится от притворного отвращения. “Ну, ты не попал, так что поздравляю. Если только ты не упал, и поэтому принял ванну.” Она открывает глаза и поворачивается ко мне с ее фирменной насмешливой полуулыбкой и небольшим неохотным фырканьем, мое сердце слегка трепетало при виде нее, но я быстро заставил его молчать. “Кажется, ты застенчивый говнюк, пошел настолько далеко, чтобы выкопать яму в лесу. Падающий Дождь слишком утонченный, чтобы пользоваться уборными, как все остальные?”

От шеи до щек поднимается жар. “Перестань задавать столько вопросов и возвращайся к работе, бездельница. Что ты вообще делаешь, притворяешься, что культивируешь?”

“Я заметила, что ты пытаешься сбежать, и хотела знать, почему. Ты такой странный, зачем так напрягаться, чтобы просто посрать?" Закатив глаза и игнорируя ее вопрос, я откидываюсь на локоть, изображая безразличие, внутренне съеживаясь и надеясь, что она не останется, чтобы смотреть или слушать. Я не могу даже какать в одиночестве. Этот мир отстой.

Забу прибывает к нам, мокрый от бега в реке, и кладет пару больших рыб, по крайней мере, десять кг каждая, перед Шаной, прежде чем быстро бежать обратно к реке, готовый добыть еще больше еды. Шана любезно принимает подарок, вытягивается и аккуратно поглощает еду, звуки громкого хруста исходят из ее рта, когда она закусывает в восторге. “Бедный Забу, он так много работает уже больше недели, кормит жирную, ленивую Шану всей своей едой.” Хотел бы я, чтобы он так пытался завоевать мою любовь, глупый пушистый придурок.

“Их ухаживания закончились, и Шана готовится отложить яйца." Адуджан заглатывает наживку и начинает говорить о квинах, одна из любимых ее тем. Только наполовину слушая ее, я улыбаюсь и смотрю, как она говорит с энтузиазмом, мой разум блуждает и накладывает ее образ на образ Ян, моей жены из сна.

Несмотря на то, что я знаю, что воспоминания в моей голове выдуманы, есть еще несколько затяжных последствий. Во-первых, меня сейчас невероятно привлекает большинство женщин в моей жизни. Я начинаю тосковать по дочери фермера в деревне, которая всегда улыбалась близнецам, когда я приводил их собирать яблоки, или милой портнихе, которая намекающе улыбалась, когда измеряла меня, ее руки блуждали по мне, когда она говорила о том, как я вырос. Я даже хотел взять Милу на руки и поцеловать ее в шею, или пофлиртовать с Янь, когда она спит рядом со мной, или попытаться улыбнуться Сон, потому что я знаю, что это красивое и нежное зрелище, которое исцеляет душу.

За исключением того, что я знаю, что ни одно из этих чувств не было реальным, и что если я буду действовать, это будет несправедливо по отношению к себе или девушкам. Они не привлекают меня, меня привлекает их ложная версия, воображаемый характер моего собственного изобретения, который слабо основан на них самих. Тем не менее, вопреки моему здравому смыслу, я продолжаю лежать и смотреть на Янь, как ее лицо загорается, когда она говорит, больше не суровая и угрюмая, полная страсти и волнения, я желал просто положить голову ей на колени и наслаждаться моментом.

“… а потом, Шана будет держать яйца в тепле всю зиму, пока Забу работает, чтобы прокормить ее, и когда придет весна, у нас будет несколько щенков квинов, чтобы поиграть.” Ее рвение очевидно, ее руки сжаты вместе. Вот почему я знаю, что мои чувства нереальны. Она не похожа на Янь из моих снов, она была более определенная и реальная, чем образ, который у меня был, который был просто марионеткой, которая уступала каждому моему желанию,

никогда не удивляя и не бросая мне вызов. Она - реальный человек, и я влюблен в фальшивого призрака, который просто похож на нее.

Ее счастливое выражение лица потихоньку исчезает, ее плечи опускаются. “Хотя это и обидно. Шана, скорее всего, будет отнята у меня, чтобы тренеры могли начать обучать щенков, и мне дадут замену. Твоего тоже заберут, квины не любят, когда их отделяют от их детенышей.” Ее горе очевидно, Адуджан гладит мех Шаны, вызывая счастливое щебетание от квина.

“Погоди, а квины нам не принадлежит?” Я могу заменить Забу?" Мне одновременно и грустно, и радостно. Может, мой следующий квин будет лучше. И будет пахнуть лучше.

С милой гримасой и острым взглядом она издает легкий звук насмешки. “Забу и Шана были воспитаны и обучены Стражами. Хотя каждому из нас дается личный квин, в конце концов они все еще принадлежат главному офицеру." Ее взгляд возвращается к Шане с задумчивым видом. “Я бы купила ее, но мне понадобятся годы, чтобы накопить монеты, и, похоже, Шана готова к спариванию. Неважно, о ней будут хорошо заботиться, и я смогу купить ее, когда смогу.”

“Кто о них заботится? Почему бы тебе не найти работу, ты же любишь квинов.” Интересно, во сколько обойдется покупка Шаны? Я должен спросить Аканай позже. Адуджан явно будет расстроена, если она потеряет свою милую квин, и, возможно, я могу удивить ее. Думаю, я куплю и Забу, если он не слишком дорогой, но только для того, чтобы иметь бесспорные права на его щенков.

“Воспитание квинов оставлено старшим, отставным Стражам, которые больше не способны сражаться, но все еще здоровы и крепкие. Как тебе удается не знать даже самых элементарных вещей?”

После еще нескольких минут легкой беседы я сижу и культивирую, убедившись, что у меня достаточно Ци для моих уроков, и укрепляю свое ядро. Чем больше мое ядро может удерживать, тем более тесно связано мое Ци, тем больше контроля я буду иметь над ним. Обычно я культивирую без кольца в основном потому, что нет никого, у кого есть свободное время, чтобы наблюдать за мной, и, если честно, мне все еще не слишком комфортно его использовать. Нарастающая мощь, за которой следует убаюкивающее спокойствие, к которому я готов и ожидаю его, все еще застает меня врасплох, оставляя меня неприятно потрясенным и истощенным. Может быть, мое кольцо неисправно или что-то в этом роде, но неважно, медленный и стабильныц выигрывает гонку, или, по крайней мере, позволяет мне выжить дольше.

С быстрым перерывом на обед, вкусной едой из жареных овощей и риса, я перехожу к практике Форм, используя Мир в левой руке, достаточно неудобно, но у меня действительно нет альтернативы. Кроме того, я уже дважды потерял правую руку, мне действительно нужно научиться драться обеими руками. И также пользоваться палочками, хотя меня вроде как кормят Адуджан и Сумила, маленькое удовольствие. На протяжении всей моей практики я ищу Просветления, это чудесное чувство понимания, но оно ускользает от меня, чувство, как будто я смотрю сквозь грязное стекло, и то, что я ищу, находится на другой стороне, запутанное и едва видимое, мое тело чувствует себя неловко и чужеродно, когда я практикую определенные движения.

Вот так уже несколько дней, бьюсь головой о грязное стекло, пытаюсь понять, чего мне не хватает. В частности, есть две Формы движения, которые я был почти в состоянии объединить, Пружинящий Шаг, который, как это гласит, шаг вперед, поднимая колени высоко, удлиненный, чрезмерно подчеркнутый шаг, в сочетании с восходящими шагами, который вопреки названию,

является топающим движением. Наверное, я бы поднялся, если бы воздух затвердел у меня под ногами, но на самом деле это все равно, что раздавить виноград, неуклюже и неэлегантно.

Я не могу понять, что мне не хватает в этом движении, мне кажется, что все неплохо, но я чувствую, что недостаточно правильно . У меня кишки сводит, и на этот раз, я знаю, что это не запор, так что должно быть что-то, чего я не замечаю. В отличие от других комбинаций, которые я знал, это больше похоже на два отдельных куска, разбитых и соединенных вместе, а не на гладкое, жидкое слияние, которым оно должно быть. Как будто я иду отдельными шагами, а не одним полным движением.

Я разберусь с этим в конце концов, ну или я всегда могу перейти к другим занятиям. Это красота Форм, почти бесконечное сочетание движений, каждое из которых простое и бесконечно сложное одновременно. Легко нанести хороший удар, невозможно нанести идеальный, но в погоне за совершенством, я продолжаю практику. В этом есть что-то очень дзэнское, повторяя одну и ту же серию движений день за днем и изучая что-то новое после сотен или даже тысяч повторений, совершенствуясь каждый день. Даже если я ничему не учусь, физические усилия успокаивают, ни медленно, ни быстро, только фокусировка на движении, моменте, в течение нескольких часов без утомления.

Мое вновь обретенное понимание Форм делает меня счастливым и спокойным, мои мышцы немного болят, стряхивая пот со своего лба, и я направляюсь к западному краю лагеря с Адужан, где Альсансет усердно работает, принимая отчеты от вернувшихся дозорных, Сумила и Ли Сон работают ее помощниками, все они слишком заняты, чтобы приветствовать меня. Две прекрасные молодые женщины, покрытые чернильными пятнами, яростно копируют отчеты, их кисти двигаются изящными движениями, когда они пишут невероятно аккуратными, крошечными буквами. Опять же, мой разум сравнивает их обоих с женщинами из моих снов, но они достаточно разные, и это вызывает у меня небольшую сердечную боль.

Каллиграфия - одна из тех вещей, которые я не очень хорошо изучил, мое письмо немного лучше, чем у большинства детей, но мне нравится смотреть его в движении. Каждое написанное слово имеет правильную последовательность, время, небольшое давление на кисть или легкое скольжение, что позволяет завершить строчку . Готовое изделие выглядит изысканно и элегантно, но при этом каждый стиль уникален. Я могу легко различить автора отчетов, просто прочитав его. Сумила любит добавлять крошечные закорючки, которые добавляют стиль к написанию, не ставя по угрозу читаемость, а Альсансет более строгая и правильная, кривая там, где должна быть кривая, линии там, где должны быть линии, но со своим колоритом. Ли Сон пишет аккуратными, почти штампованными буквами, ее кисть движется короткими, механическими штрихами, но в письме все еще есть несколько личных штрихов, слияние двух закорючек в один или начальный мазок кисти немного дольше, чем должно быть.

Это так же, как Формы и приходя сюда, чтобы посмотреть на их работу, когда они пишут, я вдохновляюсь научиться писать правильно самостоятельно. Я понял это, когда попросил Сумилу писать мне письмо Мэй Лин раз в две недели, и с тех пор я прихожу сюда, чтобы посмотреть, как они пишут. Тонкие вариации в письменной форме похожи на вариации в борьбе, используя ту же основную структуру, чтобы придумать разные решения одной и той же проблемы, и снова я чувствую, что смотрю через грязное, запятнанное окно, близко к пониманию чего-то, но не полностью. Я даже не знаю, что это такое, что я пытаюсь понять, но не повредит попробовать, даже если все, что я делаю, это раскрыва. глубокие тайны каллиграфии или что-то глупое.

Аканай прибывает с последним подразделением дозорных, кратко обсуждая с Альсансет

Стражей и их расположение, прежде чем отправиться заниматься другими делами. Альсансет и Токта ответственные за выслеживание Оскверненных , но Токта не прнимает участие в военных действиях команды, несмотря на то, что сам способный воин. С другой стороны, он очень занят тем, что держит солдат в живых, но в то же время Альсансет является боссом лагеря, усердно работает каждый день. Ее обязанности на сегодня выполнены, она улыбается мне и обнимает меня за плечи. “Мне так нравится, когда меня встречаю после работы.” Бросив на меня лукавый взгляд, она шепчет: “хотя, возможно, я не та, кого ты здесь встречаешь.” Ее глаза смотрят в сторону Сумилы.

Ужасно. Как бы ни была хороша Сумила, у меня нет никаких романтических намерений по отношению к ней, главным образом потому, что Аканай была бы худшей тещей. “Я здесь, чтобы забрать тебя на ужин, сестра. Ты так усердно работаешь, что я чувствую себя бездельником, который весь день тренируется.” Я просился помочь ей, но она настаивает, чтобы я работал над исцелением и тренировками. Несмотря на мои возражения, как внутренние, так и внешние, я все еще задаюсь вопросом, будут ли ее губы такими же, какими во сне, сладкими и мягкими.

Мы возвращаемся к огню, болтая, последние несколько дней почти расслабили меня, несмотря на все еще существующую угрозу Оскверненных. Если бы это было раньше, я бы нервничал из-за возможного нападения, волновался и беспокоился, но я стал доверять людям вокруг меня, зная, что они делают все возможное, чтобы сохранить лагерь в безопасности. Если Оскверненные нападут, мне будет лучше с двумя руками, так что я сконцентрировался на этом, не обращая внимание не на что другое.

Как сказала Мама, зачем беспокоиться о том, что я не могу контролировать?

http://tl.rulate.ru/book/591/81410